

К. У. ТОРЛАНБАЕВА

НАСЛЕДОВАНИЕ И ОСНОВЫ ПРАВЛЕНИЯ У ВОСТОЧНЫХ ТЮРКОВ

Одним из ключевых положений института каганской власти является вопрос о наследовании. Система наследования связана с состоянием семьи и семейной общины. В 176 году до н.э. верховный шаньюй сюнну писал, например, ханьскому императору о своем государстве: «... Все народы, натягивающие лук, составляли одну семью¹». Развитие общества древнетюркского периода основывалось на формах и законах социальной и родоплеменной организации предшествующего времени. Помимо немногочисленных свидетельств собственных тюркских камнеписных источников и китайских летописей, этнографические материалы тюркоязычных народов могут быть использованы для понимания системы наследования у тюрков.

Существование семейно-родовой общины у тюрков не вызывает сомнения. В основе каждой малой и большой семьи лежало деление на две половины, мужскую и женскую. В масштабах племени это было единство двух брачующихся фратрий. Для правящего дома восточных тюрков – это каганский и катунский племена или рода, двуединство ашина и ашидэ². Одно племя выступало по отношению к другому как материнское (ашидэ), а другое – как отцовское (ашина). Отношения между ними находились в тесном взаимодействии и противоречии. Выяснение вопроса о сущности и форме отношений между ашина и ашидэ возможно в ходе исследования системы престолонаследия.

Переход от материнской общины к отцовской занял длительный период. Фундаментом

любого общества является система социально-экономических, производящих отношений. Наследование принадлежавшей общине социально-экономических благ является основой, которая связывается с хозяйственной базой, с землей, пастбищными угодьями, народонаселением, средствами производства, скотом. Система престолонаследования сосредотачивала все основные рычаги передачи власти над этими жизнеобеспечивающими средствами. Оно было одним из главных аспектов, характеризующих социальные отношения.

Процесс перехода наследования по нисходящей прямой линии «отец – сын», когда не учитываются отношения родства по матери, не произошел в одночасье. Институты материнского права являлись неотделимой частью жизни раннего общества. В этнографической литературе принято говорить о пережитках материнско-правовых отношений, описанные в различной семейной обрядности всех тюркских народов³.

Истории и этнографии известны многочисленные свидетельства о системе наследования «старший брат – младший брат – племянник (сын старшего брата)», предшествовавшей наследованию по прямой линии «отец – сын». Наследование по коллатеральной линии (*лат. Collateralis* – боковой, окольный⁴), основным принципом которой является объединение отцовской и материнской стороны, известен у древних китайцев, у хеттов, в ранних государствах Западной и Центральной Африки, Западной Европы⁵. Относительно тюрков наследование по

¹ Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечание В.С. Таскина. М., 1968, вып. 1. С. 43.

² Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Алма-Ата, 1967. С. 16; Mori. M. Histirical studies of the ancient Turkic peoples. Tokyo, 1967. Т. I. С. 3-4.

³ Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Труды Института этнографии АН СССР, т. 9. М., 1950 и др.

⁴ Словарь иностранных слов. М., 1989. С. 240.

⁵ Крюков М.В. Социальная дифференциация в древнем Китае. (Опыт сравнительно-исторической характеристики). Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 208-215; Довгяло Г.И. О переходе к наследованию царской власти по отцовско-правовому принципу (по материалам хеттских клинописных источников XVII-XIII вв. до н.э.). СЭ, 1963, № 6. С. 82; Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981. С. 206-207.

боковой линии рассматривалось как удельно-лестничная система⁶.

Теоретические изыскания этнографов свидетельствует о том, что материнская община стремилась удержать хозяйственную основу на средства производства с усилением экономической роли мужчины, диктовавшего условия отцовского права. «Если смотреть с современной точки зрения, то кажется совершенно естественным, что кормильцем детей не мог быть никакой другой мужчина, кроме отца. С точки зрения людей раннеродового общества дело обстояло иначе. Прежде всего, при групповом браке отцовство не всегда могло быть точно установленным. Главное заключается в том, что присоединение к материнско-детской группе одного из половых партнеров женщины означало бы возникновение отношений совершенно нового типа – экономической связи между членами разных хозяйственных коллективов, разных родов. Значительно более естественным было присоединение к ней мужчины, который ранее в качестве кормленника входил в одну потребительскую группу с женщиной, т.е. ее брат. В этом случае экономические отношения не выходили за пределы рода, оставались связанными между сородичами»⁷.

Отношения с родственниками по матери в настоящее время приняты за пережитки эпохи матриархата. Однако даже для этнографии народов XVIII-XIX веков эти пережитки были столь существенны в социальной жизни, что вызывали живой интерес исследователей. Для периода тюрков отношения с родственниками по матери означали отношения с катунскими ашидэ как с равной стороной с каганскими ашина. Отношения с родственниками по матери отразились на целом комплексе фундаментальных вопросов развития общества. Это: наследование прав и имущества всей общины, понятия «рода» и «родовой организации», локальности браков, переход сыновей отца в общину его дяди по матери – авункулокальность, обычаи «усыновления» и другие, которые все связаны с длительным и сложным переходом от материнского права к отцовскому.

Древнетюркские надписи из Кошо-Цайдама являются наиболее важными источниками по изучению принципов наследования у восточных тюрков. Они аутентичны, поэтому содержащиеся в них любые прямые или косвенные указания имеют первостепенную важность. В тексте памятника Кюль-Тегину читаем: «После (Бумынкагана и Иштеми-кагана) стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами» – *Anta kisra inisi bolmis arinč, oyli ta qagan bolmis* (КТб, 4-5). Или в другом месте, указывающее на политику китайского государства, направленную на разрушения самих основ тюркского государства: «Вследствие того, что они (табгачи) скорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей, – тюркский народ привел в расстройство свой существовавший эль» (КТб, 6). «После того, так как младшие братья не были подобны поступкам старших братьев, а сыновья (oyli) подобны отцам, то сели на престол, надо думать неразумные каганы и несмелые каганы» (КТб, 5). Из приведенных примеров очевидно, что отношения между старшим и младшим братьями были самыми главными. В наследовании от брата к брату учитывались материнская и отцовская родственная связь. Косвенным свидетельством в пользу того, что младшим братьям наследовали сыновья их старших братьев (т.е. племянники) являются слова: «а потом и их сыновья (сыновья старших братьев) стали каганами».

По китайским летописям у тюрков прослеживается неизменная традиция наследования от старшего брата к младшему и затем к племяннику. Из одиннадцати верховных каганов в период с 552 по 630 годы последовательно десять или девять каганов неизменно следовали этой схеме⁸. М. Дрампп по китайским источникам определил, что у тюрков (Первого и Второго восточно-турецких каганатов) наследование от старшего брата к младшему упоминается в восьми случаях, от дяди к племяннику – в трех случаях, от отца к сыну – в трех случаях и от кузена к кузену имеется только один известный случай⁹.

⁶ Гумилев Л.Н. Удельно-лестничная система у тюрков в 6-8 вв. (к вопросу о ранних формах государственности). СЭ, 1959, № 3. С. 13-15.

⁷ Семенов Ю.И. Проблема перехода от материнского рода к отцовскому. СЭ, 1970, № 5. С. 60.

⁸ Бичурин Н.Я. указ. раб., 1998, т. I. С. 225-251.

⁹ Drompp M. R. Supernumerary sovereigns: superfluity and mutability in the elite power structure of the early Turks (Tu-jue). – Rulers from the Steppe, vol. 2, Los-Angeles. С. 95.

Материалы, относящиеся к западным тюркам, дают иную картину. У них фиксируется наследование по прямой линии «от отца – к сыну»¹⁰.

История Второго восточно-тюркского каганата начинается с победы восточных тюрков над танскими войсками и выхода их из вассальной зависимости. Во главе восточных тюрков стояли каган из ашина и катун из ашидэ. Мужским представителем катунской стороны ашидэ с самого начала был Тонъюкук¹¹. Он стал соправителем и советником кагана. Первым каганом был Эльтериш (*кит.* Гудолу, 682-691) и катун Эльбильге (КТб, 11). После смерти ему наследует его младший брат Капаган-каган (*кит.* Мочжо, 691-716). В китайских источниках он назван «похитителем престола», хотя по существующей системе престолонаследия таких причин не было. После убийства Капагана верховным правителем стал его племянник тардужский шад, получивший после интронизации тронное имя Бильге-каган (716-734). В Малой надписи памятника Кюль-Тегину Бильге-каган сообщает о законности своей власти над тюркским элем, оперируя сложившимися представлениями «небоподобности» каганов: «По милости Тенгри и потому что у меня самого было счастье (право?), я сел на (царство) каганом» (КТб, 9; КТм, 1). В 734 г. Бильге-каган умер и трон занял его сын, получивший тронное имя Ижань-каган, что не соответствовало системе наследования «старший брат – младший брат – племянник». О правлении Ижань-кагана источники сообщают очень кратко, а в «Цзычжи туңцзянь Ганму» говорится, что старший сын Бильге-кагана Ижань был «опущен», т.е. он не стал верховным каганом¹².

Существование системы наследования по коллатеральной линии отмечали многие исследователи древних обществ. Четкая характеристика такой формы семьи лишь сравнительно недавно была дана Ю.В. Бромлеем. В тех обществах – пишет он, где наследование следует по боковой

линии «старший брат – младший брат – племянник (сын старшего брата)» речь должна идти о так называемой братской семье¹³. Братская семья является непосредственно той семейной общиной, которая предшествовала патриархальной семье и не носила только промежуточного и переходного характера. Как бы такая форма семьи не называлась, безусловным остается, что при наследовании обязательно учитывались две линии: отцовская и материнская.

В братской семье ближайшим родственником считался брат, затем племянник (сын брата или сестры), т.е. учитывалось кровное родство по матери. Между дядей по матери и племянником складывались особенно близкие отношения. Еще Ф. Энгельс в свое время отмечал в истории древних германцев по Тациту: «Переход от материнского права к отцовскому мог совершиться у них только незадолго перед этим, так как брат матери – ближайший сородич мужского пола согласно материнскому праву – еще признавался у них чуть ли не более близким родственником, чем собственный отец, что также соответствует точки зрения американских индейцев»¹⁴.

Социальная обусловленность системы родства не вызывает сомнения. Л. Морганом были выделены два структурообразующих признака в системе родства: объединение или разграничение линий отца и матери.¹⁵ Объединение отцовской и материнской линий в братской семье отражала систему наследования «старший брат – младший брат – племянник». В основе братской семьи лежат не отцовско-правовые отношения, а материнско-правовые, взаимодействующие с начинаяющими набирать силу патриархальными отношениями, когда «фактически женская и мужская линии объединены»¹⁶. Особенно это прослеживается в связи с авункулокальностью (вирилокальностью) брака, наблюдавшейся этнографами как пережиток в недалеком прошлом у большинства народов.

¹⁰ Chavannes Ed. Documents sur les T“ou-kiue (Turcs) Occidentaux. St.Pb., 1903. С. 5-6; Кляшторный С.Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюргешских каганов VI-VIII – Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985. С. 164-170.

¹¹ Бартольд В.В. Новые исследования об орхонских надписях. Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 314-315.

¹² Бичурин Н.Я., указ. раб., т.1, 1998. С. 282.

¹³ Бромлей Ю.В., указ. раб., 1981. 202-210.

¹⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. (В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана). М., 1980. С. 77.

¹⁵ Крюков М.В. Система родства китайцев. (Эволюция и закономерности). М., 1972, с. 39-42, 43-45.

¹⁶ Бромлей Ю.В., указ. раб., 1981, с. 209.

М.О. Косвен видит «две основные разновидности «объяснения» авункулата: 1) авункулат – простой результат матрилинейной филиации, при которой брат – ближайший родственник женщины и ее детей; 2) авункулат – результат матрилокального поселения, которое создает **зависимое положение мужа-отца**, тогда как главенствует в семье **брат матери**, причем это положение возможно не только без всякого матриархата, но и без матрилинейной филиации»¹⁷. При авункулате семья представляла собой социальную группу, состоящую из кровных родственников по матери: брата, сестры и ее детей. У меланезийцев острова Добу такая социальная группа имела особый термин «сусу». Для мужчины такой социальной единицы всегда стоял вопрос: с какой группой он должен быть теснее связан экономически, кто должен ему наследовать племянники или родные дети¹⁸.

Этнографические материалы свидетельствуют, что даже когда семейная община имела матрилокальный брак, при котором жена уходила жить к своему мужу, ее дети не принадлежали семейной группе своего отца. Они в некоторых случаях уже в малолетстве переходили в семейную группу своей матери, а вернее, к ее старшему брату (к своему дяде по линии матери). Так как самым близким и старшим родственником был брат, связанный кровнородственными узами с сестрой, ушедшей в семью своего мужа. «Эта принадлежность к своему материнскому роду отнюдь не номинальна и не выражается только в счете происхождения или в получении имени, а совершенно реальна, означая реальную и фактическую принадлежность к своему роду, принадлежность хозяйственную, общественную и идеологическую»¹⁹.

В одной шорской легенде рассказывается о браке женщины и медведя, когда у них рождается «медвежий ребенок», он отправляется в улус к братьям матери²⁰. У ряда кавказских народов было обязательным правилом уход детей к их

родному дяде по материнской линии. Он их воспитывал, затем женил или выдавал замуж, причем предпочтительно за своего сына или дочь, т.е. речь идет о кросс-кузенном браке. Наоборот, отец не имел право приближаться к своим детям, они для него остаются чужими. «Избегание» между отцом и сыном на Кавказе было широко распространенным и весьма стойким явлением²¹. В словаре Махмуда Кашигари (XI в.) можно встретить такое выражение, смысл которого прямо-таки говорит о близости отношений между единоутробными детьми (т.е. по линии матери) и неприязни между кровными детьми (т.е. по линии отца). «Братья по отцу дерутся в гневе; братья по матери поддерживают друг друга» – qadas quma ıruk, ogdas oru tartar²². Отец оставался долгое время чужим по отношению к своим детям. Судьбу пасынков-изгоев, незаконорожденных сыновей правителей оседлых и кочевых государств решала мачеха-правительница.

По мнению М.О. Косвена, бытовавший обычай «усыновления» родственниками по материнской линии (чаще дядей) детей также указывает на пережиток авункулочного брака²³. Переход детей в материнский род можно обнаружить в Скандинавии, у алтайских народов, а также некоторые черты его сохранились у казахов, узбеков, киргизов, у которых один из детей отправлялся на воспитание в дом его материнской родни²⁴.

В огузском предании также есть упоминание о воспитании детей у дяди по материнской линии. «У Мур-Йавы не было детей от законных жен. Во время набега некоего Урджа-хана он захватил в плен женщину; продержав ее несколько дней \у себя\, он отоспал ее. Женщина эта, возвратившись в свой юрт, сказала: «Я беременна от Мур-Йавы-хана». Через несколько месяцев она родила сына. Ему дали имя Кара. **Он вырос у своих дядей (по матери)**. Став джигитом, он бежал и явился к Мур-Йавы-хану. Мур-Йавы **усыновил** его. Когда умер Мур-Йавы, весь

¹⁷ Косвен М.О. Авункулат. – СЭ, М., 1948, № 1, с. 7.

¹⁸ Семенов Ю.И. указ. раб., 1970, с. 61.

¹⁹ Косвен М.О., указ. раб., 1948, с. 12, 13-16.

²⁰ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск, 1989, с. 46.

²¹ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа (исследования и материалы). М., 1961, с. 51, 91, 104-115, 121.

²² Махмуд Кашигари. Девону луготит турк. Ташкент, 1960, т. I, с. 392; Древнетюркский словарь. (ДТС). Л., 1969, с. 419.

²³ Косвен М.О., указ. раб., 1961, с. 116-117.

²⁴ Косвен, М.О., указ. раб., 1961, с. 121, 117;

народ собрался и поднял его ханом»²⁵. В этом письменном свидетельстве очевидны три взаимосвязанных явления: дислокальность брака, воспитание сына хана у материнской родни, его последующее усыновление отцом и наследование престола.

Система авункулокальности прослеживается и в тюркском обществе. Бильге-каган, став при Капаган-кагане тардужским шадом, неизменно находится в ставке своего дяди, участвует в военных набегах, государственных делах, он ближайший родственник и преемник (КТб, 17-19). С авунколокальностью брака, когда родные дети должны были уходить в дом к своему дяде по матери, связаны и особые отношения, существовавшие между дядей и его племянником.

Многочисленные этнографические материалы отмечают существование особого названия для дяди по материнской стороне у большинства современных тюркских народов, употребляемых в различных фонетических вариантах – это тай-\\дайы (*tay\\dayi*). Причем обычно этим же термином обозначалась вся материнская родня, в том числе и дед²⁶. Дед, согласно классификационной системе, названной в этнографической литературе системой «омаха» и хорошо прослеживающейся у древних тюрков²⁷, занимал по отношению к своему внуку такое же положение, что и дядя к своему племяннику или старший брат по отношению к своему младшему брату. Опять-таки это могло иметь место только при соединении линии отца и матери. В форме *dayi qatun* этот термин упоминается в «Родословной туркмен», в котором обозначает должность (титул?) смотрительницы или смотрителя за женами хана. Это словосочетание переведено переводчиком как «мамка»²⁸.

В тексте памятника Кюль-Тегину Бильге-каган по отношению к своему дяде-кагану употребляет термин *eći* «старший брат» или

«дядя»²⁹. *Iči-eći-äči* – в классификационной системе родства обозначает «кровных мужских родственников, старше меня» – моего старшего брата и младшего брата моего отца (младшего дядю). В одной из енисейских надписей из Уйбата (Е-32) в 14 строке в обращении меморианта употреблено парное словосочетание *iñim-ä içim-ä*. Это словосочетание указывает на наследников иерархически следуемых за ним, *iči* здесь – это «старшие родственники, но не по прямой линии»³⁰. Термин *eći* в тюркских рунических надписях объединял старших родственников по материнской и отцовской линиям.

Племянник по матери также имел особое обозначение – это *йеген* (*yegen*). Он известен всем современным тюркским языкам, и встречается в нескольких фонетических вариантах. В древнетюркском языке он также известен в различных фонетических вариантах, идущих только по линии гласных: *yegin*, *yagan*, *jigun*³¹. В памятнике Ихе-Хушоту он обозначен в составе титула некоего *йеген-чора*³². В надписи Кюль-Тегину термин *yegun* встречается в собственном имени *Йегин-Силиг Бега* (КТб, 33). Этот термин обнаруживается в сложном составном слове из терминологии родства – это *iñiyigun\iñiyegin* «младшие родственники» = *ini* + *yegin* = «младший брат» + «племянник». В этой связи С.М. Абрамзон совершенно справедливо отмечает: «В этом термине объединены младшие родственники по мужской и женской линии, а это вызывает законное предположение о том, что в древнетюркском обществе сохранялись черты матрилокального брака: в семью могли входить не только потомки главы семьи, имевшей уже патриархальный облик, но и потомки его сестер, что служит свидетельством совместного проживания женатых братьев и замужних сестер, отолоски явления характерного для более раннего этапа развития семейных отношений»³³.

²⁵ Кононов А.Н. указ. раб., 1958, с. 61.

²⁶ Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках. – Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 47-48.

²⁷ Baştug S. Kok Turuk kinship terminology: an Omaha model. – Central Asiatic Journal, 1993, v. 37, № 1-2, с. 2-16.

²⁸ Кононов А.Н., указ. раб., 1958, с. 58.

²⁹ ДТС, 1969, с. 162.

³⁰ Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфии. Тексты и исследования. М., 1997, с.114-117.

³¹ Покровская Л.А., указ. раб., 1961, с. 51.

³² Clauson G., Tryjarski E. The Inscription at Ikhe Khoshotu. – Rocznik Orientalistyczny, t. XXXIV, z. 1, с. 19, 32.

³³ Абрамзон С.М. О некоторых терминах родства в тюркских языках. – Turcologica, 1976, с. 206.

По имеющимся этнографическим данным везде присутствует информация об особых, очень тесных взаимоотношениях между дядей и его племянником по материнской линии. Если даже дядя был младше своего племянника, все равно к нему относились с особым уважением. Телегуты говорили: «Племянник будь хоть с земли – все равно маленький; дядя, будь он со щенка – все равно большой»³⁴. Подчеркнутая близость дяди и племянника отражена во множестве взаимных обязанностей и обычая: наречение имени, дарение племяннику скота и т.д. Дядя должен был периодически одаривать своего племянника подарками, как это было у алтайских народов, причем племянник мог потребовать любой подарок. У алтайцев сложились пословицы, в которых племянник сравнивается с волками: «Если волк придет, от волка скот уберечь можно, если племянник придет, от него скота не убережешь, все равно отдать придется» или «Чем придти одному племяннику, лучше пусть придут семь волков»³⁵. У ряда современных тюркских народов еще два века спустя существовало обязательное правило делить лучший кусок мяса барана между дядей по матери и его йегеном³⁶.

Поездка к родственникам по матери у всех алтайских тюрков обозначалась термином **torkun\lorgun**³⁷. Этим термином у тюркских народов также обозначались родственники по матери³⁸. У казахов в обиход вошел его монгольский эквивалент нагаши. Такую поездку периодически совершали племянники к своему дяде, также после года или через некоторое время замужняя женщина отправлялась в свой отчий дом или в дом к своему дяде по матери, и проводила там некоторое время³⁹.

Дядя по матери брал на себя расходы по свадьбе племянника, он участвовал в известной доле как в калыме, так и в приданном. Во время переговоров о предстоящей свадьбе дядя вел переговоры, а отец и мать сидели в сторонке, не

принимая в этом участия. Перед свадьбой невеста или жених уходили в дом к своему дяде по материнской линии. При этом карабалдинцы считали племянника выше своего сына или родным сыном. Среди своих племянников дядя мог выбрать своего любимца. Такое предпочтение становилось поводом для ссор между племянниками. Дядя по матери некогда у алтайцев участвовал в постройке юрты для племянника⁴⁰.

Дядя полностью заменял отца племяннику, и наоборот отец племянника оставался безучастным в судьбе своего сына. Это подтверждается и другим свидетельством. В некоторых шаманских мотивах у алтайцев племянник назывался не по своему отцу, а по дяде с материнской стороны. «Потомки рода Мундус и Теолос, вспоминая свое происхождение от льдинки, приносят жертву по преимуществу владыке грома, града и дождя, величая его: племянник (jeen) ты царя – владыка льда, отец мой небесный Тотой...» Или у телеутов при жертвоприношении обращались к духу, живущему на двенадцатом слое неба, со словами: «Взошедший на тринадцатую зарубку (березы), имеющий место игры на четырнадцатом слое неба, от дяди (tayda?) хана льда отдавшийся, племянник дяди (tay-qan) ханлыда»⁴¹.

Ссора между дядей и племянником всегда предрекала что-то плохое. У казахов говорили: «если племянника будешь бить, то руки станут дрожать» – жиенде үрмайды, үрасаф һолығ һалтруауың болады. Жадный дядя всегда расплачивался за свою жадность по отношению к племяннику. Н.П. Дыренковой был записан у шорцев рассказ о том, как один тай-охотник, пожалев для своего единственного племянника зверей и птиц, вскоре остался не с чем. В той тайге, где он охотился, не осталось птиц и зверей. Или у кумандинцев рассказывали, что один богатый дядятай, пожалев для своего йегена одного коня, в буран потерял целый табун лошадей⁴². Для тюр-

³⁴ Дыренкова Н.П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков. – СЭ, 1937, № 4, с.21.

³⁵ Дыренкова Л.К., указ. раб., 1937, с. 22-23.

³⁶ Дыренкова Н.П., указ. раб., 1937. с. 25-26; Абрамзон С.М., указ. раб., 1971, с. 234.

³⁷ Дыренкова Л.К., указ. раб., 1937, с. 24.

³⁸ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. С. 1256; ДТС, 1969, с. 581.

³⁹ Абрамзон С.М. , указ. раб., 1971, с.

⁴⁰ Дыренкова Л.К., указ. раб., 1937. с. 24-26, 29; Косвен М.О., указ. раб., 1961. с. 63-64.

⁴¹ Дыренкова Н.П., указ. раб., 1937. с. 21.

⁴² Дыренкова Н.П., указ. раб., 28-33.

кского времени близкая связь в отношениях между братьями, между племянником и дядей по матери – это также отношения между верховным каганом и его младшим братом и племянником, сыном старшего брата, т.е. преемниками верховной власти. В классификационной системе родства они имели особые названия, обозначенные в древнетюркских надписях.

После смерти Таспар-кагана (*кит.* Тобо, 572–581) китайские летописцы отмечают начало междуусобных династийных противоречий у восточных тюрков. Отклики этой борьбы также отмечаются в «Истории» Феафилакта Симакатты⁴³.

Ышбар и Далобянь оба по отцовской линии принадлежали к племени ашина, были двоюродными братьями, однако в отличие от ставшего каганом Ышбара, мать последнего была «низкого происхождения», т.е. не принадлежала катунскому племени в Первом тюркском каганате. В китайских источниках сообщается, что Тобо царствовал десять лет и затем умер от болезни. Перед своей смертью он сказал своему сыну Яньло: «Я слышал, что самое близкое родство между отцом и сыном (разве?). Однако мой брат Мугань не любил своего сына Далобяня и оставил мне власть. После моей смерти ты держись прочь от Далобяня /т.е. уступи ему престол/. После смерти кагана государственные сановники узнали, что в верховные каганы хотят возвести Далобяня. Они не согласились на том основании, что мать его была «рождена народом», т.е. не из того племени с которым ашина находились в брачном родстве. Мать Яньло была знатного происхождения, тюрки глубоко уважали его. Шету \т.е. Ышбар\ прибыл после всех и сказал государственным сановникам: «Если Яньло посадят на престол, то я поведу моих старших и младших братьев служить ему. Если Далобяня посадят на престол, то я буду охранять границу и ждать его с острыми мечами и длинными копьями!» Шету был старшим и смелым среди каганских ашина.

Далобянь не получив престола, не подчинился Яньло. Яньло был не способен править государством. Полнота каганской власти перешла к Шету. Государственные сановники обсудили это положение и сказали: «Из сыновей четырех каганов \т.е. Кэло, Тобо, Муганя и Жутань\ Шету наиболее достойный». Таким образом, они призвали и посадили его на престол с титулом Или Кюэ Ше Мохэ Шаболио-каган (т.е. Илиг Кюль Шад Бага), также он назывался еще Ышбар. Он правил в горах Отюкен. Кочевья Яньло находились близ реки Дулу (т.е. Тола). Он стал называться «Вторым каганом». Однажды Далобянь сказал Ышбар-кагану: «Ты и я – оба сыновья каганов, каждый из нас является наследником отца. Как получилось так, что я один не имею положения?» Этими словами каган был очень встревожен и назначил его Або-каганом (т.е. Апа-каганом). Або-каган вернулся в свои кочевья и возглавил свои племена⁴⁴.

Известные письменные источники совершенно не содержат сведений о племени, находившемся в брачном союзе с каганским племенем ашина в Первом тюркском каганате. Судя, по этому неоднозначному событию, в конечном итоге приведшему к дестабилизации в государстве, можно говорить о той огромной политической значимости, которую имела катунская сторона в правящей коалиции каганата.

Этот политический кризис стал темой исследований многих ученых⁴⁵. Х. Эчеди, исследуя вопрос племенной организации тюркских племен, специально останавливается на этом сведении летописей. Она исследует роль и значение, которое придавалось родоплеменным отношениям и связанного с ним системе престолонаследования в тюркском обществе. При этом во главе вопроса ставится сообщение о материнских правах у тюрков⁴⁶.

Действительно, причина отказа Далобянию в наследовании заключалась в «низком» происхождении его матери, тогда как сын Таспера был от

⁴³ Симокатта Ф. История. М., 1957, с. 72–73.

⁴⁴ Бичурин Н.Я., 1989, т.1. с. 234; Drompp M. R. указ. раб., с. 98.

⁴⁵ Гумилев Л.Н. Великая расприя в первом тюркском каганате в свете византийских источников. – Византийский временник, т. XX, 1961; Гумилев Л.Н., Маршак Б.И., Хван М.Ф. Спор о древних тюрках. – Доклады по этнографии Географического общества СССР, Л., 1965, вып. 1 (4), с. 66–93 и др.

⁴⁶ Escedy H. Tribe and tribal society in the 6th century Turk Empire. – Acta Orientalia, 1972, т. XXV, с. 251–253.

катун-императрицы, т.е. принадлежал катунскому племени по материнской линии. Фактически же пересказанное выше указывает на то, что сын Таспар-кагана также как и сын Мукан-кагана от катун «второго посада» не могли занять место верховного кагана. Китайская традиция обычно такие явления в кочевых обществах объясняет или «неспособностью» править государством или «малолетством» каганов. Вероятным объяснением может быть следующее: по коллатеральной системе наследования в случае с Яньло не учитывалась старшая материнская линия (линия не супруги, а матери кагана?), поэтому стали искать такого кандидата в другой классификационной группе, а именно среди старших представителей материнской линии (среди дядей, а не племянников). Или же коллатеральная система наследования учитывала не только линии матери и отца, но и отношения старшинства в классификационной системе родства. Сын Таспар-кагана был из младшей классификационной группы. Яньло был племянником Шету и должен был уступить место своему материнскому дяде.

Примечательно, что летописцы неизменно оперируют советом «государственных чиновников», тем самым, указывая, что в тюркском обществе слово кагана не имело первостепенного значения. Каган представлял лишь отцовскую сторону в правящей коалиции государства. В данном историческом факте прослеживается высокая значимость соблюдения интересов по материнской линии.

Уважительные отношения между племянником и дядей по матери, бытовавшие в тюркском обществе, демонстрируют следующие известия летописей. После смерти Ышбар-кагана ему наследовал его младший брат, причем в Суй шу сообщается известие такого содержания. Повествуется, что Ишбара-каган приказал, чтобы ему наследовал его младший брат, известный под титулом ябгу-каган, Чулохэу, так как его собственный сын, Юнйюльюй, был «робким по природе». Чулохэу высказал озабоченность по этому поводу и уступал место племяннику. Юнйюльюй же отказывался и сказал, что, если он наследует престол и проигнорирует желание своего покойного отца, то будет проклят свыше, тог-

да как дядя его является подходящим наследником⁴⁷. Соблюдение в престолонаследии старшей группы в классификационном родстве – традиция материнско-правовых отношений.

Изложенный древнетюркский материал демонстрирует значительные и устойчивые позиции материнской/катунской стороны в правящей династийной коалиции. Особенно остро эти позиции проявляются во время смены одного верховного кагана на другого, когда интересы двух объединенных линий, отцовской и материнской, смыкались и становились принципиально жизненными в вопросе управления каганатом.

Таким образом, в вопросе о престолонаследии у восточных тюрков обнаруживаются следующие основные моменты:

1. наследование верховного престола велось по коллатеральной линии, обязательно объединяющей две линии родства, материнскую и отцовскую;
2. с утверждавшимися отцовскими правами в обществе, усиления власти каганов из определенного, легитимного племени приводило к частым конфликтам между объединенными линиями отца и матери, которые с особой остротой проявлялись в период смены одного кагана на другого;

3. причиной раздоров была именно система наследования по боковой линии (объединение линий по матери и по отцу).

Наследование по боковой линии уже не устраивало каганских представителей объединенной династийной коалиции. Утверждение «близости» родства между отцом и сыном» противоречило союзно-родственным отношениям, двуединству линий кагана и катун правящих кругов каганата. Представители племени каганских ашина стремились к моноправлению. В общественных родоплеменных отношениях происходила смена системы наследования и связанных с ней принципов правления государством.

Список сокращений

- БК – памятник Бильге-кагану
 КТм – Малая надпись в честь Кюль-Тегина
 КТб – Большая надпись в честь Кюль-Тегина
 Тон – надпись в честь Тоньюкука
 СЭ – Советская этнография

⁴⁷ Drompp M. R., указ. раб., с.95.

Резюме

Ежелгі түрік мемлекеттеріндегі қағандық билік мәселесін зерттеу түрік мемлекеті тарихының көптеген қырларын жете тануға мүмкіндік береді. Сонымен бірге ол қаған және қатун, ашина мен ашидә секілді екі заңдастырылған жоғарғы қаған билігі – мұрагерлікке қалдырылатын отбасы қауымының тұрақты әлеуметтік формасын қалыптастырды. Екінші шығыс түрік қағанатындағы қағандық билік институтын зерттеу кезінде ашина мен ашидә тайпаларыны арасындағы одақ пен некелік қатынастары үлкен мөнге ие болып, қағандық билік қызметінің шынайы негіздерін аңғартты.

Summary

In this article the author give the system of heritage in the Turk period. It had formed a stabile social form of organisation of family community in which inheritance of the supreme kaghans' power was made with awareness of two legitimised lines: *kaghanic* and *katunic*, *ashina* and *ashide*. While studying of the Kaghan's power Institution in the Second Eastern Turkic kaghanate, it is clear that relations of alliance and marriage between *ashina* and *ashide* had the evident significance and showed actual bases of functioning of the Kaghan's power.